

ЕВРОПЕЙСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА
В КОНТЕКСТЕ
ВООБРАЖАЕМЫХ
И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ГРАНИЦ**

Паттерны пограничной идентичности

Коллективная монография

ВИЛЬНЮС
ЕГУ
2010

ПАТТЕРНЫ ПОГРАНИЧНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРАКТИКАХ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ ПОСТСОВЕТСКОЙ МОЛДОВЫ

Людмила Кожокари

доктор исторических наук,
Институт Европейской Интеграции
и Политических Наук Академии Наук Молдовы

Летом 2005 г. в кишиневской прессе неожиданно заговорили о памятнике Героям Ленинского комсомола, который, несмотря на постсоветские перемены в области публичной символики, до сегодняшнего дня продолжает возвышаться на одной из главных улиц столицы города. Возврат в общественном сознании кишиневцев к символизму памятника, о котором после распада СССР не вспоминал никто, произошел в контексте деликатных событий: намеренно было стерто несколько букв первого слова, что изменило семантику надписи. Это событие послужило еще одним поводом для реактивации механизмов памяти и забвения тоталитарного периода не только у людей, чья жизнь была связана с «героическим прошлым» Ленинского комсомола или которые считали себя жертвами этого прошлого, но на этот раз вызвало официальные заявления правящих структур власти. Официальные постановления, взаимные обвинения со стороны представителей разных «воображаемых сообществ», всплеск старых, как и «изобретение» новых традиций памяти, оживил общий интерес к данной теме.

Интерес к образам исторического прошлого был поддержан, помимо кризиса коллективного сознания, и кризисом власти. Известно, что глубокие социальные и политические изменения, вне зависимости от демократического или авторитарного характера нового строя, нуждаются в легитимации через обращение к существующим ранее ценностям¹. Этот период в Молдове совпал с волной нарастающего интереса со стороны политических элит к проблеме коллективной идентичности и, таким образом, к механизмам передачи и хранения коллективной памяти².

В данной главе предлагаем исследовать процесс взаимодействия коллективной идентичности и практик социальной памяти в постсоветском обществе Молдовы, чтобы выяснить: *Какие паттерны идентичности выбираются коллективной памятью и что передается забвению? Как строится дискурс памяти в условиях идентитарного кризиса? Как объяснить разногласия между дискурсом власти и дискурсом общества по отношению к историческому прошлому? Насколько в этих условиях географический (Восток и Запад), политический (ЕС и РФ), транзитный период и экономический статус Пограничья отражаются в дилеммах идентичности и памяти общества Республики Молдова?*

Более десятилетия Республика Молдова строит собственную идентичность, стараясь легитимировать ее посредством новых исследований и переоценки своего исторического прошлого. Тем не менее после 2001 г. память о пережитых событиях снова обречена на официальное забвение, оставаясь частной и раздробленной. Не будучи, почти пять десятилетий, до 1991 г., предметом общественного обсуждения, она продолжает оттесняться дискурсом власти, которая стремится моделировать процесс возрождения коллективной памяти, а иногда и навязывать реликтовые конструкты идентичности.

Примером того, как политический класс толкует историю и исторические образы, поддерживая процесс воспоминания «утвержденных» и амнезию «нежелательных» сегментов прошлого, служат практики комеморации павших воинов во время Второй мировой войны (ВМВ). «Места памяти»³ в честь погибших в этой войне, а также ритуалы комеморации, примененные в данном контексте, представляют метаморфозы коллективной памяти современной Молдовы и являются одним из векторов конструирования идентичности данного общества. Внимательный взгляд на структуру и развитие ритуалов комеморации позволяет говорить о существовании нескольких дискурсов по отношению к самому процессу комеморирования. Среди них явно выделяются два – официальный (идеологический) дискурс и неофициальный (общественный) дискурс. Первый дискурс сконструирован на основе сакральности Второй мировой войны⁴ и ориентирован на комеморации «советского воина-освободителя» и мифе о «героизме советского народа»; второй дискурс, выделенный нами, ассоциирован с индивидуальным и коллективным опытом войны. Этот дискурс прикреплен не к паттернам советской идеологии, а к христианской традиции, поддерживается ритуалами памяти всех тех, «кого больше нет среди нас», вне зависимости от политической идентичности этих людей. Вспомним в этом контексте слова Джона Гиллса, что сущность любой коллективной или индивидуальной

идентичности, смысл существования во времени и пространстве, – способность общества к комеморации; а содержание комеморации отражает присвоенную идентичность⁵. Конечно, существует много факторов, которые могут стимулировать новые исторические подходы к восприятию прошлого, и также истории Второй мировой войны, однако, стоит отметить, что данное исследование ориентировано не на подлинности исторических событий, а на выявлении их образов и на определение роли этих образов в коллективной памяти и идентичности постсоветского общества.

В постсоветской Молдове места памяти, связанные с событиями войны, неоднократно меняли семантику и восприятие в зависимости от коллективной идентичности «воображаемых сообществ» (политического, этнического, конфессионального и др.). Эти изменения всегда присутствовали в ритуалах комеморации и в конструктах идентичности, питающих работу коллективной памяти. Участвуя в советских ритуалах, посвященных «советскому воину-освободителю», общество, однако, не забывало о традиционных религиозных ритуалах комеморации. Только в них присутствовали, помимо образов официальной памяти, и образы тех, кто продолжал жить в коллективной памяти как члены данного сообщества, т.е. родственники, односельчане, друзья, знакомые. Чаще всего в практиках социальной памяти таких сообществ грань между «освободителями» и «побежденными» стиралась (и продолжает стираться), оставляя место только для «павших» или «жертв» тоталитарных режимов.

Теоретические и концептуальные аспекты

После распада Советского Союза, а с ним – и старых идеологических парадигм, перед историками, антропологами, социологами открылись новые теоретические и методологические подходы для исследования постсоветского пространства с перспективы «коллективной памяти», «устной истории», «локальной истории», «региональной идентичности», «идентичности пограничья». Как утверждал Мишель де Серто, в процессе написания истории мы сталкиваемся с «колонизацией времени» со стороны «дискурса власти», при которых элиты и доминирующие группы представляют фрагментированные события прошлого, систематически превращая и рассматривая их с перспективы «линейного времени»⁶. В этом контексте именно память возникает той главной структурной составляющей, которая наделяет общество представлением о своей идентичности, позволяет вписаться в длительную временную протяженность, в традицию⁷. Указывая на прямую взаимосвязь идентичности с памятью, мы рассматривали сообщество как «сообщество памяти». Чтобы не забывать своего прошлого, сообщество вовлечено в перерассказывание своей истории. Как указывает Эрик Хобсбаум, быть членом

любого сообщества означает расположить себя по отношению к прошлому этого общества, даже если только отклоняя это прошлое⁸. Таким образом, идентичность строится по отношению к коллективной памяти данного «воображаемого общества»⁹, в то время как структуры памяти выявляют свои содержания в коллективных практиках и ритуалах, благодаря которым поддерживаются и передаются старые и новые «изобретенные традиции»¹⁰.

Морис Хальбвакс ввел понятие «коллективной памяти», которое является только в присутствии других и в контексте социальных структур: «[...] именно в обществе люди обычно приобретают их воспоминания»¹¹. Также в обществе люди вспоминают, признают, и ограничивают свои воспоминания, подчеркивает Хальбвакс¹². Согласно Пьер Нора, «память» означает много вещей – воспоминания, традиции, обычаи, привычки, практики, нравы – и охватывает диапазон, который развивается от сознательного уровня к полусознательному¹³. А «места, на которых складывается память [сообщества]» мы определили уже утвердившимся термином – «места памяти» (*les lieux de mémoire*)¹⁴. «Местами памяти» могут стать события, предметы, здания, книги, песни, а также личности или географические точки, которые «окружены символической аурой»¹⁵. Наш интерес к «местам памяти» исходит от того, что создавая представления общества о себе и своей истории, эти представления могут нести разные значения и это значение может меняться, отражая одновременно и идентитарные представления данного общества¹⁶.

Ян Ассман утверждает, что коллективная память включает множество текстов, образов и ритуалов многократного использования, характерных для любого общества в каждой эпохе, культивирование которых служит, чтобы стабилизировать и передавать сущность данного общества. На этих коллективных знаниях, в большинстве случаев, каждая группа строит свое понимание единства и особенности¹⁷. В 1980-е гг. Мишель Фуко обращал внимание на то, что память становится серьезным фактором для конфронтации, если кому-то удается контролировать память общества, тому удастся его манипулировать¹⁸.

Джон Боднар употребляет термин «публичная память», имея в виду множество верований и идей о прошлом, которые помогают сообществу понять прошлое и настоящее, следовательно, и будущее¹⁹. Термины «публичная память», а также «частная память», не адекватны исследованию транзитного периода для общества Молдовы. Эти термины приемлемы для исследования консолидированных демократий, где память общества не делится на публичную и частную – в любой момент все они могут стать достоянием общества и ни одной из них не гарантирован официальный статус²⁰.

В данной работе в качестве рабочих инструментов использованы термины «Пограничье» и «граница». Мы склонны считать, что общество

Молдовы на протяжении стольких лет еще находится под влиянием как реальных, так и символических границ. Поэтому будем рассматривать пространство и общество постсоветской Молдовы с перспективы Пограничья, которое имеет не только реальные контуры государственных границ, но и символические характеристики относительно пространства, времени, культуры, ценностей, идеологий. В том числе и транзитный период, через который проходит общество Молдовы в поисках идентичности. Мы не заинтересованы в исследовании влияния реальных геополитических или национальных границ на структуры коллективной памяти и идентичности, а собственно в понимании влияний на развитие культуры, традиций и идентичности данного пространства со стороны Запада (Европейского Союза) и Востока (Российской Федерации) в контексте реального времени. Мы уверены, что эти аспекты, которые можно воспринять только на уровне коллективных представлений/образов, оказывают глубокое влияние на метаморфозы памяти и идентичности данного региона. Как говорил Т.М. Уилсон о концепте Пограничья по отношению к восприятию ирландской границы, видимость границ всегда только в глазах смотрящего²¹. В Республике Молдова образ и влияние «границы» всегда серьезно влияли на социальные восприятия. Они до сих пор отражаются в конструктах идентичности и анкорированы в коллективной памяти. Так же нельзя игнорировать факт, что концепт «граница» и «Пограничье» все чаще встречается в разговорах о новых перспективах расширения Европейского Союза на Восток и отношении к Молдове, Украине и Беларуси из перспективы «новых соседей» Европейского Союза. По нашему мнению, это новый контекст влияния и конкуренции со стороны европейских институтов, ценностей, политик, наряду с постсоветскими, на конструирование идентичности и памяти Республики Молдова.

В качестве рабочих инструментов также использованы термины «официальная память/дискурс», «неофициальная память/дискурс», понимая под термином «официальная коллективная память» воспоминания прошлого, которые находят явную поддержку со стороны политических элит/кругов постсоветской Молдовы и которые представляют тенденциозное отражение прошлого; и «неофициальная» – воспоминания простых людей Республики Молдовы, воспоминания, которыми (и в среде которых) эти люди строят свою идентичность. Неофициальная память в наших исследованиях отражает воспоминания людей, которые не принадлежат и не представляют структуры власти и которые, в большинстве своем, интегрированы в местной культуре, включая представителей других этнокультурных идентичностей (украинцы, русские, болгары, гагаузы и др.), предки которых поселились в Молдове до установления советской власти. Представители неофициального дискурса и хранители коллективной памяти накопили

свои атрибуты идентичности за долгий исторический период, аккумулируя в памяти общие образы пережитых событий, традиции и ценности, которые, наряду с событиями прошлого столетия, стали со временем главными конструктами их идентичности. Совместные радости и горести консолидировали идентичность людей. Память представителей этих «воображаемых сообществ» еще хранит амбивалентные воспоминания о событиях Второй мировой войны, связанные не только с освобождением Молдовы 1944 г. или победой над фашизмом в 1945 г., но и память бед от установления советской власти в этих краях. Чувство маргинальности и отношение к данному региону как к периферии, центр которой менялся неоднократно за одно столетие или три поколения (1812, 1918, 1940, 1941, 1944, 1991), способствовало фортификации паттернов пограничной идентичности и механизмов абстрагирования от официального дискурса.

Предыдущие эмпирические исследования показывают, что официальная память в Молдове часто поддерживалась людьми, еще ностальгирующими по «советскому образу жизни». Их идентичность ассоциируется с советским прошлым и живет образами той «золотой эпохи». На фоне советских лозунгов о «братстве народов», «победе коммунизма» и «советский народ» большинство этих людей так и не интегрировалось в культуру данного региона (края), которым сегодня является Республика Молдова. Их идентичность ассоциируется с символами и образами советской идеологии, величие которых пострадало после распада Советского Союза, травмируя идентитарные конструкты данного сегмента общества и обостряя тем самым их привязанность к памяти о «Великой отечественной войне» и «великой победе», после которой остались здесь строить «светлое будущее молдавского народа» и ... продолжать бороться с «врагами советского народа». Символы и образы советской эпохи находятся в большом почете, помимо граждан Молдовы, которые отдадут дань уважения за участие в разгроме фашизма, и со стороны государства, которое спекулирует ностальгическими чувствами этих людей по советской тоталитарной системе и их памятью о войне, «великой и отечественной». В свою очередь, эти люди продолжают ориентироваться на советские ценности, доверяют и поддерживают власть в лице государственных (коммунистических) лидеров Республики Молдова. Образ Победы 1945 г. играет огромную роль в их идентичности, рядом с величием советской эпохи, в которой они принимали активное участие. После событий 1991 г. и «ревизионистских» подходов к истории под вопросом стал сам образ святости советской истории. Приход коммунистов к власти в 2001 г. произошел на волне разочарований по отношению к результатам политических и экономических реформ и обещаний партии коммунистов Молдовы вернуть эту «золотую эпоху». Это стало новым идентитарным испытанием для всего общества постсоветской Молдовы.

Дискурс власти – дискурс памяти (на основе эмпирического материала)

Эпоха «советской идентичности» и «героизма советских освободителей» до 1991 г. сопровождалась оттеснением из коллективной памяти румынской идентичности и наклеиванием ярлыков «враг народа», «фашист», «румынский агент» для всех воинов, которые не числились в Красной армии; и живых и мертвых. Это усиливало разрыв между официальной памятью и живой памятью общества; общество с трудом узнавало себя в том образе, который властями насаждался.

После признания суверенности, 8 декабря 1992 г., Парламент Молдовы принял закон 1225/12, касающийся реабилитации жертв политических репрессий, а 18 марта 1993 г. – закон о реализации и уравнивании в правах граждан Республики Молдова, принимавших участие во Второй мировой войне в рядах румынской армии, с теми, кто служил в рядах Красной армии. На волне этого закона в Молдове были признаны 3 300 участников, воевавших на стороне румынской армии. Тем не менее это не решило проблему окончательно. С приходом к власти коммунистической партии началось конструирование национальной идентичности, так называемого «молдовенизма», с претензиями на консолидацию общества. Данный проект продолжил политику советской идеологии и базировался на советских символах и образах, ссылаясь на идентичные конструкты времен СССР. Это сопровождается новым смятением общества, которое долгое время страдало организованной амнезией, а теперь, смотря в зеркало прошлого, перестает узнавать себя в дискурсе власти и начинает по крупицам собирать в единое целое обломки своей идентичности на основе коллективной памяти.

Мария Ферретти объясняет кризис, связанный с поисками идентичности, именно искажением памяти о прошлом, насильственным замещением ее официальными представлениями, которые настолько далеки от индивидуального опыта каждого, что оспознать какую бы то ни было коллективную идентичность, кроме показной, на них невозможно²².

Как мы уже говорили, власть предрасположена ориентироваться именно на сообщества, ностальгирующие по величию советского прошлого, по событиям, которые касались всего общества постсоветской Молдовы, то есть памяти войны. Чтобы перечислить лишь главные проявления дискурса власти в контексте комеморации Второй мировой войны, упомянем: реновацию мемориального комплекса «Шерпенский плацдарм» ко дню 24 августа 2004 г., когда власть организовала «празднование 60 лет со дня освобождения Молдовы от фашистско-немецких захватчиков и оккупантов»; реставрирование памятников «Неизвестному (Советскому) солдату», на уровне всей республики, к празднованию Дня Победы 9 Мая в 2005 г., а в самой столице – ре-

конструкцию мемориала «Воинской Славы» к 9 мая 2006 г. и переименование в «Eternitate – Вечность». Внимание общества было приковано к дискурсу власти не без инициативы высших эшелонов, когда 9 мая 2004 г. президент В. Воронин выступил перед ветеранами Второй мировой войны при праздновании «освобождения Молдовы от немецко-румынской оккупации»²³.

Параллельно игнорировались акции, связанные с дискурсом коллективной памяти: возвышение 9 мая 1998 г. коммеморативного Креста в память солдат румынской армии, которые остались на полях сражений левого берега реки Прут; активное участие граждан республики в праздновании Дня Поминования Усопших (Paștele Blajinilor); митинг памяти всех солдат времен Второй мировой в день 9 мая, особенно в сельских местностях; открытие кладбищ в местах, где найдены останки солдат румынской армии; кульминационным моментом стало открытие 1 июня 2006 г. реставрированного кладбища в окрестностях села Циганка (Țiganca).

Мемориальный комплекс «Шерпенский плацдарм» был одним из первых масштабных действий власти относительно событий Второй мировой войны и посвящен он дню «празднования 60 лет со дня освобождения Молдовы от фашистско-немецких захватчиков и оккупантов»²⁴. Несмотря на величественность и размеры комплекса²⁵, властям не удалось изменить в памяти о войне неофициальную картину исторического прошлого. Дискурс власти ограничился «патриотической» риторикой. «Этими торжествами мы окончательно порываем с периодом исторического беспамятства, которым хотели заменить наше подлинное прошлое и настоящее» – заявил В. Воронин. На символических могилах надписи на румынском/молдавском и русском языках как будто заимствованы с архивов советской пропаганды: «Имя твоё неизвестно, подвиг твой бессмертен», «Никто не забыт, ничто не забыто». Посаженные в парке комплекса деревья символически соответствуют советским дискурсивным паттернам о родине: елки, березы, рябины, а открытие комплекса состоялось под девизом «Оккупация румынских фашистов была прервана освобождением Республики Молдова Красной Армией».

Таким образом, мемориальный комплекс служил узким интересам коммунистического «высшего руководства» страны и был предназначен реставрировать в коллективном сознании образ советского прошлого из перспективы его «непобедимости», вернуть внимание общества к советскому тезису о существовании «молдавского народа», отличного от румынского. Власть использовала мемориальный комплекс «Шерпенский плацдарм» как инструмент воздействия на коллективную идентичность, стараясь отразить в нем один из символов «молдавской идентичности». Дискурс власти, следуя советским традициям и политическим мифам о «родине в опасности» и о «врагах народа», ссылаясь на протяжении 2001–2009 гг. на образ румын-

ского солдата в духе празднования 30-ой годовщины этого события еще в советское время под лозунгом: «празднование победы над румыно-немецкими захватчиками»²⁶.

Следуя теории Хальбвакса, можно говорить о существовании в Молдове в основном двух блоков коллективной памяти: официальной памяти, в которой отражается дискурс партии власти, отчасти поддерживаемой советскими ветеранами и людьми, ностальгирующими по советскому строю, и неофициальной коллективной памяти, в которой отражается дискурс большинства, относящейся со сдержанностью или несогласием к дискурсу о победоносном прошлом советского времени. Обычно эти памяти конкурируют между собой за приобретение прошлого. Мемориальный комплекс при селе Шерпень служит таким примером. Если во время организованных представителями власти практик коммеморации официальный дискурс памяти всегда преобладает над коллективной (неофициальной) памятью людей, то одновременно можно наблюдать, что большинство очевидцев и участников событий 24 августа 1944 г. отказываются участвовать в данных ритуалах власти. В их памяти живут другие образы прошлого, основанные на горечи человеческих потерь, на образе трагедии и ужасах той войны. Они не ориентируются на советские памятники, пропагандирующие советскую идеологию о «непобедимости советского солдата», «дружбе народов», «великой победе над фашистско-румынским врагом», и еще помнят, как их односельчане, наряду с тысячами жителей Молдовы, умерли в советских лагерях и в Сибири²⁷.

Несмотря на все усилия, намерение власти организовать событие на уровне «национального коммеморирования» и с участием всего «молдавского многонационального народа» при открытии мемориального комплекса «Шерпенский плацдарм» в селе Шерпень, в общих чертах свелось к сущности очередного партийного мероприятия. Общество имеет собственное отношение и восприятие относительно мест памяти, отдаляясь от дискурса власти и храня свои образы памяти, в которых равным образом, без политического подтекста, чтится память всех – и русских, и румынских солдат.

Власть все же пыталась апеллировать к семейным и общественным ритуалам, специфичным ортодоксальным сообществам, коммеморации душ, павших в сражениях, надеясь на метаморфозирование этого ритуала в одну из моделей «общественной религии». О роли церкви в практиках памяти погибших на примере коммемораций при Вердуне говорят и Антуан Прост²⁸. Возвращаясь к примеру Республики Молдова, констатируем, что церковь, будучи маргинализованной при тоталитарном режиме, имеет свою роль в трансформации таких комплексов в местах памяти. Перспектива уважения памяти павших на полях сражений во время Второй мировой войны через дискурс ортодоксальной церкви смогла бы, на наш взгляд, объединить память сообщества с национальной историей. Но при этом надо иметь в виду,

что процесс конфессиональной реабилитации общества Молдовы тоже находится в поле действия дискурса власти в целях общественной мобилизации и консолидации политической власти.

Пример традиционного и религиозного конструкта идентичности воздействия со стороны официального дискурса власти можно проследить в праздновании 9 мая в 2005 г., когда по воле случая праздник Дня Победы совпал с одним из самых важных религиозных праздников – Днём Поминования Усопших. Оба праздника посвящались памяти усопших: День Победы сфокусирован на павших в военное время, День Поминования Усопших посвящен памяти близких и дальних родственников, «которых больше нет среди нас» – «...и тех, кто умер в войне и тех, кто умер своей смертью, как и принято у всех христиан», по словам одного из участников.

В Кишиневе, как и по всей республике, сообщества следовали своим традициям. Мы следили за тем, как граждане Молдовы выбирали символы своей коллективной идентичности и проявляли эту принадлежность путем ритуалов и практик социальной памяти. В этот день в Кишиневе, как и других частях республики, создались два центра комеморации: (1) мемориал «Eternitate» в столице или памятник Неизвестному (советскому) солдату в местностях республики и (2) городские, сельские кладбища. Впервые после 1991 г. в День Победы состоялся военный парад, в котором приняли участие и ветераны, пронесли знамя Кишиневского полка. Нужно отметить, что мемориал, представляющий наследие советского строя,²⁹ с 1989 до 2001 гг. следовал судьбе других советских символов, теряя идеологическую роль и приобретая новую коннотацию – как место отдыха жителей города. Что касается его отражения в дискурсе власти, он не был упомянут до 2001 г., когда с новой силой вернулся в контекст официальных праздников, большинство которых новая власть постсоветской Молдовы унаследовала у советской идеологии.

Официальный дискурс отражается в разговорах ветеранов о Второй мировой войне, которые, как мы уже говорили, и есть основная аудитория ритуалов в честь Дня Победы. В Кишиневе этот сегмент общества интерпретирует данный праздник иначе, чем представители местной культуры.³⁰ На вопрос «Что означает для Вас 9 мая?» мы получали ностальгически ориентированные на советское прошлое ответы:

Александр, ветеран войны, инженер: «Эта победа интернациональная», «День Победы будет жить, пока живы ветераны.»

Ольга, ветеран войны, уроженка Украины: очень горда, что ее муж (уроженец Молдовы) командовал первыми «катюшами» во время войны: «Самый дорогой праздник, до которого дожила.»

Николай, ветеран войны, уроженец Сибири: «[...] нам пришлось защищать Родину, начиная с Сибири и до Потсдама [...], а после войны продолжал служить и строить советскую власть.»

Мария, ветеран войны, родилась в Молдове, воспитывалась в детском доме и, соответственно, на русском языке: «Этот день святой, день победы и горечи, [...] многих потеряли.»

Большинство участников празднования Дня Победы оказались из тех, которые остались здесь после 1944 г. или приехали после войны, будучи уроженцами Сибири, России, Украины, или воспитанные в советских детских домах в духе «дружбы народов». На вопрос об идентичности условий, которые определили их жизнь в «солнечной Молдавии», мы получали ответы, которые ничем не отличались от советской пропаганды о роли советской власти в освобождении и процветании Молдовы:

Надежда, ветеран войны: «Кишинев был разрушен после войны и [...] долг перед Родиной [...] требовал отстроить его.»

Николай, ветеран войны: «Я освободил эту землю и остался здесь работать.»

Александр, ветеран войны: «[...] остался здесь после войны по долгу военной службе.»

В ответах читается не только гордость от участия в строительстве «счастливого будущего для советского народа», но и чувство радости от того, что помогли молдавскому народу это будущее построить:

Татьяна, уроженка Нижегородской области России, приехала в Молдову в августе 1949 г., инженер-технолог: «Кишинев был в разрухе после голода; город был в руинах, [везде видны были] трупы [...]; победа Советского Союза стала победой всех народов.»

Чувство гордости и вера этих людей в величие советского прошлого играет определенную роль в их идентичности. В их коллективной памяти существует только один образ той войны: победа советского солдата и Советской Армии, среди которых в результате манипулирования образом врага со стороны советской пропаганды не осталось места для потерь, жертв или потерпевших этой войны. Их коллективная память хранит образы «своих» героев и чтит память павших, но ... только тех, кто сражался на стороне победителей. Согласно этим идеологическим рамкам только советский солдат может символизировать «свободу» и «победу».

Во время празднования Дня Победы 9 мая 2005 г. было невозможно не заметить огромное количество молодых людей, которые принимали участие

в праздновании памяти войны и чествовании «советских освободителей». Значение 9 мая для представителей молодого поколения при ритуалах у Мемориала однозначно:

Саша и Катя, 17 лет: «...чувство гордости за наших отцов и прадедов. Мы пришли сюда возложить цветы и поздравить ветеранов».

Молодые люди возлагали цветы на могилах и искренне поздравляли ветеранов войны словами: «Спасибо за Победу...». Было заметно, как механизмы коллективной памяти продолжают выбирать воспоминания прошлого и по каким принципам строилась идентичность данного сообщества. После официальных церемоний люди собирались в парке. Они вывешивали плакаты с фотографиями политических деятелей времен Второй мировой и пели знакомые песни времен войны. Это были песни, с которыми они пережили горечь потерь и радость победы; вспоминая их, эти люди консолидировали советскую идентичность. Одновременно, судя по фотографиям, среди которых образы видных маршалов войны и ни одной фотографии И.С. Сталина, становится ясно, что не все пережитые события после «великой победы» и во время советской власти нашли место в памяти этих людей. Множество моделей прошлого и явное их несоответствие между собой демонстрирует углубление идентитарного кризиса в постсоветской Молдове и обостряет чувствительность к нарративу о прошлом. Например, события празднования Дня Победы 9 мая 2005 г. в один момент приняли неожиданный оборот: в центре действий оказалась группа молодых людей с плакатом «Моя Родина – СССР», что привлекло внимание окружающих, а многие из них начали с интересом фотографироваться на фоне этого плаката.

В тот же день остальная часть общества праздновала религиозный праздник – День Поминовения Усопших. Например, на старом центральном кладбище столицы, что в пяти минутах ходьбы от Мемориала, мы встретили очень много людей, говорящих на русском и государственном языках. Их ритуалы комеморации были предназначены для всех усопших во время войны и в мирное время.

София, 67 лет и ее муж Василе, 75 лет, родились в Молдове: «Это очень важный день для нашей семьи, мы приходим к могилам наших предков, родственников и чтим их память: и тех, кто умер в войне, и тех, кто умер своей смертью, как и принято у всех христиан».

Эти люди не делали никаких ассоциаций между памятью усопших и победой 1945 г. Они говорили с уважением и с чувством скорби о тех, кто отдал свою жизнь во время Второй мировой войны. Но были и другие комментарии:

Гавриил, 80 лет, родился в Молдове: «Я был на Мемориале с утра, но отказался участвовать в церемониях и практиках комеморации, потому что это место мне чуждо [...] советская армия была армией не освободителей, а оккупантов».

Эти образы и версии прошлого еще живы в памяти общества Молдовы. На них строится коллективная память постсоветской Молдовы и, следовательно, ее коллективные идентичности, имеющие другие интерпретации праздника 9 мая:

Гавриил, 80 лет, родился в Молдове: «9 мая – день победы для Русской империи. Для коренных жителей Молдовы это день новой оккупации...»

Однако большинство в этот день приходило на могилы своих предков, а их практики комеморации посвящены всем жертвам этой войны, без разницы – на какой стороне они воевали и отдали жизнь:

Виорел, учитель географии, родился в Молдове: «Это была трагедия для всех. Солдат не спрашивали, в какой армии [они хотят] воевать».

Ион, 55 лет, медицинское образование, родился в Молдове: «Этот день должен стать днем примирения, днем памяти всех усопших согласно нашим традиционным христианским ритуалам: посещать церковь, прийти на могилы усопших, зажечь свечку.»

В этом контексте примечательно название статьи, опубликованной в оппозиционной прессе Молдовы, отражая с точностью дилеммы и метаморфозы коллективную память, предлагавшую: «Ставьте кресты на обелисках» («Puneti cruci pe obeliscuri»³¹). Другая статья риторически спрашивала: «Мог ли советский солдат принести свободу, если он сам не был свободным?», подтверждая феномен абстрагирования сообществ от официального дискурса. В кризисные моменты это проявляется завышенным интересом к коллективной памяти и генерирует компетитивные версии официальной истории³².

Наблюдая над практиками комеморации и отношением сельских сообществ к идеологическому нарративу власти в постсоветской Молдове, мы констатировали живую традицию комеморации собственных героев – уроженцев этих же сел – которые становились залогом увековечивания идентичности и памяти местных жителей. Мы склонны считать, что это и было ответной реакцией большинства местных «воображаемых сообществ» на навязывание советской и постсоветской властью «изобретенных традиций» с комеморациями для народа, но отнюдь не народных.

Продолжая исследовать практики комеморации в 2006 г., мы подтвердили гипотезы, выдвинутые в 2005 г., когда оба праздника проходили в один и тот же день. На примере сообщества городка Яловень (Ialoveni), находящегося недалеко от столицы, мы исследовали диалог дискурса власти и коллективной памяти, чтобы подтвердить гипотезу о взаимоотношении этих структур в сообществах на уровне республики. В ритуалах обоих праздников мы обнаружили предрасположение к единым паттернам идентичности. На протяжении всех практик комеморирования было видно, что люди пережили трудные периоды, связанные с поиском идентичности. В этих местностях власть не удержала контроль над механизмами памяти, зато общество стремится к диалогу с местной властью. Обе стороны говорят о тех же героях, об одинаково радостных или горестных событиях своего общего прошлого. Спрашивая о значении этих двух праздников и ритуалах, которыми они сопровождаются, большинство жителей ответили, не задумываясь, что они праздновали обе даты:

Георге, 56 лет, родился в Молдове: «Приходим на их могилы, вспоминаем о них, раздаем милостыни, надеясь, что будем здоровы ... делаем то, чему научили нас родители: помнить и вспоминать.»

Олга, 55 лет, родилась в Молдове: «Наш отец вернулся с войны [...] мы всегда ходили в центр и ставили цветы у монумента [...] и на кладбище тоже ходили [...] встречались ветераны и был настоящий праздник [...] они отдали жизни за нас.»

Анастасия, 75 лет, родилась в Молдове: «У нас так принято, традиция такая, так мы унаследовали от предков. 9 мая тоже праздновали [...] мои братья, которые были на фронте [...] сегодня в эти дни я раздаю милостыни и ставлю цветы у памятника.»

Констатируем, что жителям данной местности, как и многим другим жителям Молдовы, удалось приспособить идеологический дискурс путем практик комеморирования к новому и неожиданному контексту: праздновать и чтить память героев своего нарратива, а не официального дискурса. Простые люди в селах и городах республики чтят таким образом своих близких, свою семью и своих родных. Вопреки всем обсуждениям, которые ведутся вокруг празднования 9 мая, персонализация собственных героев, которые живы в коллективной памяти сообщества, а не «назначенных» или воображаемых со стороны власти, способствовала тому, чтобы арсенал святости Второй мировой войны стал еще сильнее. Соответственно, важной для коллективной идентичности. Сообщество комеморирует согласно своей идентичности и традициям всех павших, не интересуясь, в какой из армии служили свои (местные) герои.

Внедрение новых традиций комеморирования советских героев, с целью легитимации советской власти, не укоренилось в коллективной памяти, которая продолжает ориентироваться на христианские ритуалы и традиции. С падением советской власти «изобретенные традиции» советской власти, согласно Хобсбауму, потеряли свой статус в момент, когда данные сообщества поняли суть их сфабрированного характера.³³ Простые люди общества Молдовы вновь апеллировали к христианской традиции и духовности, которые поддерживали их идентичность на протяжении столетий. Кстати, в 2006 г. мы отметили неоднократное высказывание со стороны неофициального дискурса – о том, что пора чтить память всех солдат. Например,

Георге, 56 лет, родился в Молдове: «Люди не виноваты [...] которые погибли [...] нужно их помянуть, вспомнить их и помнить о них и, естественно, комеморировать вне зависимости от того, советский ли этот воин или нет [...] эти люди ушли на фронт не по своей воле.»

О христианском долге, о том, что изменились времена, о памяти павших на обеих сторонах баррикад, без вины очутившихся на этой кровавой войне, говорили в этом году и представители местной власти города Яловень, чтя память погибших во Второй мировой войне в религиозной службе, организованной властью у памятника павшим героям. Это, по наблюдениям, укрепило идентичность сообщества. Эта же тенденция подтвердилась и в других местностях Молдовы.

Вне зависимости от контекста День Победы или День Поминовения Усопших в практике социальной памяти присутствовали публично в зависимости от обстоятельств прошедших периодов. Главная роль всегда отводилась индивидам – путем участия или игнорирования этих практик.

Олга, 55 лет, родилась в Молдове: «С детства приходила с отцом навести порядок на могилах и красить буквы [...] но чаще ходили с мамой, которая научилась делать то же самое от родителей.»

Следуя мнению Нора, места организации данных практик – кладбище и памятник погибшим воинам – можно назвать «местами памяти», так как любой из них имеет свое значение и символический контекст. Интересно заметить привязанность членов общества к обоим местам памяти благодаря привязанности их к коллективной идентичности. Более того: ссылаясь на перспективу Эмиля Дюркгейма, констатируем для сообществ постсоветской Молдовы тенденцию воспоминания практик и ритуалов комеморации в качестве механизмов солидаризации людей, а не как контекст для социальных, культурных или политических коллизий. Хотя еще есть случаи иного выражения. Например, 9 мая 1998 г. в Кишиневе на военном клад-

бище был вознесен крест в честь памяти румынских солдат, которые пали в боях на левом берегу Прута. Он простоял недолго, был разрушен в результате акта вандализма³⁴. Согласно некоторым источникам, на этом кладбище похоронены 1031 румынский солдат. Всего на территории Республики Молдова больше десяти таких кладбищ. 1 июня 2006 г. состоялось официальное открытие одного из таких кладбищ вблизи села Цигапка – в честь солдат, которые остались на полях сражений в первые месяцы войны 1941 г. Мемориальный комплекс был реставрирован при поддержке и под инициативой румынского государства. «Высшее руководство» проявило свое отношение к этому событию путем ... молчания. Во время открытия комплекса президент Молдовы находился на другом краю республики (Резинский район), курируя вопросы водных источников, согласно очередному проекту власти – «молдавское село» – еще одна из «изобретенных традиций» власти постсоветской Молдовы.

В Молдове официальные средства массовой информации избегали упоминания точного числа участников данной комеморации, как и факт выкрикивания прорумынских лозунгов³⁵. Единственный представитель власти – заместитель министра культуры Молдовы Валериу Цуркану, участвовавший в этом событии, без дипломатических обращений к представителям Румынии, которые участвовали в реставрации кладбища, стал хвалить действия коммунистического правительства в реставрации монументов воинам-освободителям в Молдове, упомянув об открытии кладбища немецким воинам в Кишиневе, но не говоря ни слова о предмете события – кладбище у села Цигапка. Многозначно, что сразу после этих событий представители Союза Коммунистической Молодежи Республики сделали публичное заявление – о том, что присутствующие на комеморации румынских солдат не должны забывать о преступлениях генерала И. Антонеску и о депортациях тысяч евреев, ромов³⁶.

Жители близких к месту захоронения сел, большинство из которых болгары, помнят и ужасы событий времен начала войны, и идеологические лозунги советского времени о «врагах народа». Житель села Стояновка (бывшее Стоенешть) *Петру Гургулов (80 лет, болгарин)* вспоминает, что «потери были огромны, вода в реке Прут стала красного цвета от пролитой крови, а на маленьких расстояниях из трупов румынских солдат образовывались на реке Прут мосты»; что было жаль погибших парней, что после боев стали помогать в захоронениях, хотя некоторые односельчане не хотели участвовать, ссылаясь на то, что погибшие солдаты «враги народа»³⁷. По этим же мотивам оставшиеся в живых солдаты румынской армии и уроженцы территорий между Прутом и Днестром на долгое время вытеснили эти события в памяти из-за политических угроз «советских освободителей».

Таким образом, в зависимости от интересов легитимации политических элит – прорумынских, пророссийских, проевропейских – коллективная память в Молдове продолжает находиться под влиянием политического дискурса. В результате эта ситуация выразилась в форме идентитарного кризиса. А вслед за этим последовали серьезные противоречия внутри всего общества Молдовы. Приход к власти Коммунистической Партии Молдовы только усугубил этот кризис. Если при первом президенте Молдовы говорилось о существовании «двух государств, но одного народа/нации», то при В. Воронине данный концепт изменился в сторону «два государства – два народа/нации». За пять лет коллективная память оказалась вновь под контролем власти, которая поддерживает возрождение советских ценностей и вытесняет из коллективной памяти неприемлемые для «молдавской» идентичности конструкты, предав их забвению и организованной амнезии. Упорное молчание руководства страны по поводу противоречивых образов войны со стороны коллективной памяти и новых историографических дебатов сопровождается нарративами о «великой победе нашего народа, который сражался наряду с освободительной Советской Армией». Структуры власти Молдовы, в отличие от других европейских государств, из-за кризиса легитимации не в состоянии смириться с идеей о примирении. Дискурс власти еще находится под впечатлением советской идеологии и зависим от идеологического наследства «борьбы с врагом» и «осажденной крепости»³⁸. Структуры власти продолжали праздновать после крушения советской власти величие и героизм советской армии, реставрировать и возвышать новые памятники «освободителям» «многонационального молдавского народа», поддерживая конструкты молдавской идентичности. Участие представителей молдавского общества в комеморации павших на стороне румынской армии воинов не отражается в дискурсе власти из-за выявления паттернов румынской идентичности. Явная поддержка «образа врага» со стороны дискурса власти происходит на фоне организованной амнезии павших солдат и ветеранов, уроженцев Бессарабии, в рядах румынской армии.

На наш взгляд, стремление власти консолидировать общество постсоветской Молдовы имеет перед собой долгий путь. И он возможен только через объективное отражение и представление равных возможностей для всех версий и образов прошлого. Считаем, что это возможно лишь при объективной поддержке со стороны власти открытого диалога между представителями различных мнений. Только тогда может появиться возможность примирения и готовность всех сторон к консолидации общества на уровне гражданского сознания (идентичности), но не во вред этнокультурным и религиозным идентичностям или в условиях вытеснения одних идентитарных конструктов в пользу других.

Исходя из желания понять, как простые граждане государства транслируют идентитарный дискурс власти на собственные образы коллективной памяти, и исследуя разные контексты взаимодействия между дискурсом власти и коллективной памяти, мы убедились, что стремления простых людей не всегда совпадают с интересами политических деятелей. Существует глубокое несоответствие в среде коллективной памяти Молдовы. Она доминировала старыми паттернами тоталитаризма, между тем социальные сегменты легитимируют свои идентичности путем использования конкурентных моделей коллективной памяти.

Односторонняя поддержка одной или другой стороны дискурса памяти войны – это пример неудачного политического проекта власти повлиять на коллективную память и общественное сознание общества Молдовы путем контроля механизмов памяти и амнезии. Это воспринимается с очевидным иммунитетом со стороны общества, которое продолжает следовать своим механизмам хранения и передачи коллективной памяти на основе вековых традиций и ценностей, таких как религия, семья, повседневный труд, чувство солидарности на основе общего языка, истории, территории, памяти. Все они являются паттернами противостояния организованной амнезии со стороны власти, как и коллективных представлений, отражающих примирение и понимание событий Второй мировой войны из перспективы необходимости чтить память всех солдат, отдавших жизнь в этой войне, – как павших, которых больше нет среди нас и, передать эту память будущим поколениям.

Со стороны общества констатируем тенденцию сравнения официального дискурса власти с собственными образами исторического прошлого, которые не всегда совпадали по содержанию. Эмпирические материалы явно говорят о существовании стабильных механизмов абстрагирования общества от реальности политического дискурса, тщательно выбирая лишь те из них, которые соответствуют и интегрируются с паттернами идентичности данного общества. В результате официальные образы политической пропаганды принимают новые идентитарные контуры и воспроизводятся в практиках социальной памяти наряду с неофициальными образами.

Все же многочисленные метаморфозы коллективной памяти и идентичности содержат огромную долю субъективности, осложняя процесс их исследования. После стольких исторических испытаний общество не спешит с выбором. Затрагивая однажды вопрос о кризисе идентичности в Молдове, в частной беседе с американским политологом Илья Призел высказал мнение, что люди должны это «пережить». Иногда, абстрагируясь от политических реальностей, не участвуя в выборах³⁹, таким образом мы не воспринимаем идеологических попыток властей внушить путем стратегий «контрпамяти» новые модели идентичности. После того как произошло отвержение комму-

нистического строя, партии и их ценностей, общество вернулось к тем же отвергнутым событиям недалекого прошлого. Несмотря на все усилия официального дискурса, коллективная память артикулируется предыдущему дискурсу, который оказался сильнее, «актуальнее», чем еще анемичный, сегодняшний⁴⁰, хотя статус Пограничья еще стимулирует политическое давление и идеологический контекст на работу памяти и идентичности. Будем надеяться, что структуры власти Молдовы, следуя примеру других государств постсоветского пространства, передадут проблемы с историческими контекстами профессиональным исследователям и тем временем сфокусируют внимание на сохранении равновесия между разными политическими силами и течениями – с целью утверждения демократических ценностей. Это и будет моментом истины для коллективной памяти и идентичности молдавского общества, а практики социальной памяти лишь подтвердят и поддержат эту гармонию.

Примечания

1. Al. Zub. *Istorie și finalitate. În căutarea identității*. Iași: Ed. Polirom, 2004.
2. Людмила Кожокари. Проблемы Памяти и Идентичности в посттоталитарных Государствах. Пример Республики. «Перекрестки». Журнал Исследований Восточноевропейского Пограничья. 2005. № 3–4. С. 28–35.
3. Pierre Nora (ed.). *Realms of memory: rethinking the French past*. New York: Columbia University Press, 1996–98.
4. Об этом говорит и одновременное существование альтернативного названия для этого события: Великая Отечественная Война (ВОВ).
5. John R. Gillis (ed.). *Commemorations: the politics of national identity*. Princeton: Princeton University Press, 1994.
6. Michel de Certeau. *The Writing of History*. New York: Columbia University Press, 1988.
7. См.: Jacques Le Goff, *Histoire et mémoire*. Gallimard, Paris, 1988; David Lowenthal. *The Past is a Foreign Country*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
8. Eric Hobsbawm, Terence Ranger (eds.). *The invention of tradition*. New York: Cambridge University Press, 1985.
9. См.: Benedict Anderson. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso Books, 1991.
10. Eric Hobsbawm, Terence Ranger (eds.). *The Invention of tradition*. New York: Cambridge University Press, 1985.
11. Maurice Halbwachs, *On Collective Memory*. Chicago: The University of Chicago Press, 1992.
12. Там же. P. 23.
13. Pierre Nora (ed.). *Realms of memory: the construction of the French past*. Vol. III: Symbols, New York: Columbia University Press, 1998. P. 635.
14. См.: Pierre Nora. *Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire*, in *Representations*. Vol. 26. 1989.
15. Там же.

- ¹⁶ Фостачук Е.А. Концепция «lieux de mémoire». ([http://www.main.vsu.ru/~cdli/Articles;](http://www.main.vsu.ru/~cdli/Articles; май 2006 г.) май 2006 г.)
- ¹⁷ Jan Assmann. Collective Memory and Cultural Identity, in *New German Critique* 65. Spring-Summer, 1995. P. 132.
- ¹⁸ Michel Foucault (ed.). *Language, counter-memory, practice: selected essays and interviews*, Ithaca: Cornell University Press, 1977.
- ¹⁹ См.: John Bodnar. *Remaking America: Public Memory, Commemoration, and Patriotism in the Twentieth Century*. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 15.
- ²⁰ Dejan Jovic. Official Memories in post-authoritarianism: an analytical framework, in *Journal of Southern Europe and the Balkans*. Vol. 6, no. 2, August 2004. P. 98.
- ²¹ См.: Thomas M. Wilson and Hastings Donnan (eds.). *Border identities: nation and state at international frontiers*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- ²² Мария Ферретти. Расстройство памяти: Россия и сталинизм, in *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2002. № 5. С. 40–53.
- ²³ См.: *Jurnal de Chişinău*, nr. 279, 11 mai 2004.
- ²⁴ Эта утрата ориентации и ценностей проявилась в возникновении и весьма успешном распространении различных «ревизионистских» трактовок войны, равно как и в инициативах воздвигнуть памятники погибшим воинам обеих армий под тем предлогом, что и солдаты румынской армии, и советской армии были в равной мере жертвами тоталитаризма. В этом контексте, но по отношению к русским и немецким солдатам во время ВМВ, см.: Maria Ferretti. *Nazismo, guerra e Resistenza. Il revisionismo e il paradosso*. in Enzo Collotti (ed.), *Fascismo e antifascismo. Rinzioni, revisioni, negazioni*. Roma-Bari: Laterza, 2000.
- ²⁵ Мемориальный комплекс «Шерпенский плацдарм» начали строить еще в советское время, но после коллапса советской власти интерес к комплексу был потерян. Он долгое время пустовал, напоминая жителям села только о предыдущей власти и служил доказательством советской пропаганды и ее «величия». По при возвращении коммунистов к власти этот комплекс снова вошел в интересы власти. Строительство памятника осуществлялось под личным контролем президента Молдавии Владимира Воронина. Комплекс был официально открыт 24 августа 2004 г. Сегодня он находится на месте, где в 1944 г. начиналась Яско-Кишиневская операция. В ее ходе плацдарм у села Шерпены был использован для прикрытия планов советского командования. Мемориал чтит память 11 тыс. советских солдат и офицеров. Их имена хранит мраморный алтарь в центре комплекса, у которого горит Вечный огонь. Венчает мемориал стела с колоколом.
- ²⁶ См.: N. Demcenco. *Monumente de istorie şi cultură din Republica Moldova*. Chişinău: Ştiinţa, 1994.
- ²⁷ Интересно заметить, что события при Шерпены не нашли детальных отражений в советской, в том числе и молдавской научной литературе, стараясь обойти жестокие потери, которые произошли с обеих сражающихся сторон, не все архивные материалы доступны для исследования. Видимо, возможные «ревизионистские» перспективы на эти события могут создать серьезную брешь в официальном дискурсе власти.
- ²⁸ Antoine Prost. *Monuments to the Dead*, in Pierre Nora (ed.), *Realms of Memory: The construction of the French Past*. Vol. II. Traditions. New York: Columbia University Press, 1997.
- ²⁹ Мемориал Воинской Славы был сооружен в память воинов, погибших в боях за «освобождение Молдовы и ее столицы – Кишинева от немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны 1941–45 гг.» (см.: http://www.kishinev.info/monuments_ro/111902/; май 2006) Открытие состоялось 9 мая 1975 года в честь 30 лет этого события. Композицию Мемориала Победы венчает 25-метровая пирамида из пяти стилизованных винтовок, которая объединяет весь комплекс и в то же время разделяет его на сектор воинских захоронений и площадь для митингов. У основания пирамиды – большая пятиконечная звезда, в центре которой горит Вечный огонь. Вдоль северо-западной стороны мемориала расположено 6 каменных стел, на которых высечены скульптурные композиции, символизирующие отдельные этапы Великой Отечественной войны с первого ее дня и до дня Победы.
- ³⁰ Интервью с ветеранами печатали в основном на русском и только в некоторых случаях – на румынском, в зависимости от родного языка респондентов.
- ³¹ *Ziarul de Gardă*. nr. 37, 2005. P. 1. (<http://garda.com.md/37/editoriale/index.php>; май 2006 г.)
- ³² См.: Yael Zerubavel. *Recovered Roots: Collective memory and the making of Israeli National Tradition*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- ³³ Eric Hobsbawm, Terence Ranger, (eds.). *The Invention of tradition*. New York: Cambridge University Press, 1985.
- ³⁴ См.: Aneta Grosu. *De Ziua Armatei Române, la Chişinău, a fost înălţată o Cruce comemorativă*, in *FLUX* (<http://lavender.fortunecity.com/hitchcock/489/cotidian26oct.htm>; май 2006 г.)
- ³⁵ См.: *VoceaBasarabiei.com*: 1 iunie 2006 (<http://www.voceabasarabiei.com/Stiri/stiri.html>; май 2006 г.)
- ³⁶ См.: <http://www.timpul.md.net/Article.asp?idIssue=321&idRubric=3621&idArticle=8858> (май 2006 г.)
- ³⁷ Raisa Lozinschi, *Eroii Patriei*, in *Jurnal de Chişinău*, nr. 283, 25 mai, 2004.
- ³⁸ См.: Lucian Boia, *Pentru o istorie a imaginarului*. Bucureşti: Humanitas, 2000.
- ³⁹ См.: *Barometrul de Opinie Publică: aprilie-mai 2004*, согласно которому 76% населения считает что «не в состоянии» подействовать на принятие важных решений на национальном уровне (http://www.ipp.md/publications/Rezumat_pentru_presa_rev1.doc; май 2006 г.)
- ⁴⁰ См.: Adrian Neculau, *Capcanele libertăţii în posttotalitarism*, in Mihai Şleahţişchi (coord.), *Anatomia societăţii posttotalitare*. Chişinău: Editura “Tehnica Info”, 2002. P. 209.